

Старик схватил Чэн Синьюаня за руку, но он слишком долго лежал под дождем, и его ноги онемели, не слушаясь. Весь его вес пришелся на Чэн Синьюаня, который сначала присел, но не ожидал, что старик окажется таким тяжелым. Потеряв равновесие, он чуть не упал, но в этот момент Чжао Сюньюэ внезапно подхватил его.

Их поза была весьма странной: старик опирался на Чэн Синьюаня, а тот, в свою очередь, опирался на Чжао Сюньюэ. Чжао Сюньюэ протянул руки, чтобы поддержать старика, фактически обхватив его руками через Чэн Синьюаня.

Чжао Сюньюэ был такого же роста, как Чэн Синьюань, но его костяк был более массивным, плечи шире, и присутствие ощущалось сильнее. Раньше Чэн Синьюань, опираясь на свой возраст и опыт, не хотел признавать, что Чжао Сюньюэ обладает таким влиянием. Но сейчас, полностью опираясь на него, он понял, что этот парень действительно излучает мужество. Грудь Чжао Сюньюэ была твердой, и Чэн Синьюань, впервые за долгое время, позволил себе расслабиться и почувствовать силу другого мужчины.

— Ох... ох... — наконец вставший старик тяжело дышал, прерывая мысли Чэн Синьюаня.

— Вези... вези меня домой, вези меня домой!

Эх, эмоции пожилых людей похожи на детские — то гром, то солнце.

— Наконец-то захотел домой?

Чэн Синьюань не удержался от усмешки. Старик совсем не мог идти, и Чэн Синьюань собирался взять его на спину, чтобы отнести к машине, но Чжао Сюньюэ вдруг сказал:

— Я.

Он естественным образом отстранил Чэн Синьюаня, взяв старика на спину. Чэн Синьюань почувствовал что-то необъяснимое. Он поблагодарил сотрудника патруля, сказав ему идти домой, а затем, шлепая по лужам, пошел за Чжао Сюньюэ.

Тот уже почти дошел до машины, неся старика на спине. Уличные фонари окутывали все мягким оранжевым светом, дождь барабанил по земле, а Чжао Сюньюэ, слегка согнувшись, нес старика. Капли дождя ударялись о них и отскакивали, издавая белую окантовку вокруг их силуэтов.

Чэн Синьюань проработал в части шесть лет, пережил множество крупных и мелких происшествий, и с годами стал более сдержанным, редко позволяя себе трогаться мелочами. Но в этот момент он действительно почувствовал что-то глубокое. Сцена под дождем словно врезалась в его память.

Возможно, Чэн Синьюань слишком долго не брал Чжао Сюньюэ на вызовы, и его представление о нем осталось на уровне того импульсивного парня, который когда-то спас мальчика от самоубийства. Но за то время, пока Чэн Синьюань не обращал на него внимания, Чжао Сюньюэ вырос, научился справляться с ситуациями, стал помогать другим, спокойным и уверенным.

Спина старика закрывала иероглифы «Полицейский» на куртке Чжао Сюньюэ, но флуоресцентный материал все равно отражал свет, создавая видимое свечение, которое пронзило сердце Чэн Синьюаня, вызывая чувство успокаивающей усталости. Чэн Синьюань подумал, что если однажды он устанет и упадет где-нибудь, Чжао Сюньюэ, возможно,

подхватит его, противостоя всему миру и его трудностям.

Чжао Сюньюэ усадил старика на заднее сиденье, а сам сел за руль. Чэн Синьюань на мгновение замер, но, ничего не сказав, сел на пассажирское сиденье. В машине Чжао Сюньюэ позвонил сыну старика, чтобы тот прислал геолокацию дома.

Чжао Сюньюэ ехал по навигатору, а старик всю дорогу стонал и плакал. Чэн Синьюань терпеливо успокаивал его. Когда они добрались до дома старика, его сын и невестка ждали их под зонтом. Старик, увидев сына, снова начал устраивать сцену с криками и слезами, а сын, стыдясь его поведения, грубо повел его домой. Чэн Синьюань сделал пару замечаний невестке, и та кивнула в знак благодарности.

После разговора с невесткой они узнали, что старшая дочь старика вышла замуж, его жена внезапно заболела и умерла, а жена второго сына как раз беременна. Времени на заботу о старике стало меньше, и он, вероятно, боялся, что его бросят, поэтому постоянно устраивал истерики, чтобы напомнить о себе. Как говорится в старой поговорке: «Старики — как дети, а дети — как старики». С возрастом родители становятся как дети, и им нужно еще больше заботы и любви, чем настоящим детям.

К тому времени, как они закончили с этим происшествием, было уже десять вечера. Чжао Сюньюэ сам сел за руль, а Чэн Синьюань без лишних слов занял пассажирское сиденье. Они оба промокли насквозь, сняли флуоресцентные куртки и бросили их на заднее сиденье, вытирая лицо и одежду бумажными салфетками. Внезапно грянул гром, и Чэн Синьюань воскликнул:

— Вот это да!...

Чжао Сюньюэ посмотрел на него:

— Ты боишься грома?

— Нет! Я не боюсь. — Чэн Синьюань тут же возразил, словно боязнь грома могла подорвать авторитет капитана. — Просто этот старик был немного странным. Он сказал «ударь меня молнией», и тут же грянул гром. Я действительно немного испугался.

— Почему?

— Боялся, что молния ударит в нас! — с волнением сказал Чэн Синьюань. — Я еще так молод, я не могу умереть, я еще не...

Он замолчал на полуслове. Фразу «я еще не нашел себе пару в уезде Линьчэнь» в присутствии Чжао Сюньюэ он произнести не решился.

Как говорил Ма Цюаньцюань, Чэн Синьюань приехал в уезд Линьчэнь после окончания учебы и уже шесть лет был холостяком. Сначала он не возлагал больших надежд на это место, ведь в уезде Линьчэнь мало людей, и даже если бы здесь были единомышленники, они, вероятно, под влиянием консервативных взглядов бедного района, оставались бы в глубоком шкафу, не решаясь открыться. Чэн Синьюань не обращал на это внимания, он был молод и полон амбиций, мечтая сделать карьеру, и не верил, что останется один на всю жизнь.

Но, прожив год, два холостяком, он начал волноваться. А потом, спустя три, четыре, пять, шесть лет, Чэн Синьюань просто смирился, став равнодушным и бесстрастным. Одиночество становится привычкой, и способность к любви gradually угасает, заставляя забыть о своих

потребностях в отношениях. Но в тот момент, когда он чуть не попал под удар молнии, и Чжао Сюньюэ был рядом, Чэн Синьюань чуть не выпалил: «Я еще не нашел себе пару».

Он сдержался, и атмосфера в машине стала немного странной. Чжао Сюньюэ, похоже, не заметил намека Чэн Синьюаня, он просто молча опустил голову, вытер руки и пристегнул ремень безопасности, заведя машину.

Дождь продолжал лить, дворники сметали капли с лобового стекла, словно унося шуршащее прошлое. В машине стояла тишина, слышалось только дыхание друг друга. Чжао Сюньюэ смотрел прямо перед собой, а Чэн Синьюань был немного напряжен, но в то же время устал. Он уставился на капли дождя на окне, постепенно отвлекаясь, и в конце концов уснул.

Чжао Сюньюэ заметил, что он задремал, сидя в кресле, и спокойно довез машину до части. Остановившись, он отстегнул ремень, но не вышел и не разбудил Чэн Синьюаня.

Они остались в машине, и Чжао Сюньюэ, повернув голову, смотрел на спящего Чэн Синьюаня. За окном шумел дождь, но внутри машины царил тишина, и капли дождя на стекле создавали ощущение, будто они полностью изолированы от внешнего мира. Чжао Сюньюэ почувствовал редкое умиротворение.

Кожа Чэн Синьюаня была светлой, брови слегка нахмурены, и Чжао Сюньюэ заметил, что на его лбу блестела капля воды. Он не знал, была ли это оставшаяся капля дождя или пот от беспокойного сна. Инстинктивно, еще не успев подумать, Чжао Сюньюэ протянул руку, чтобы стереть ее, но, коснувшись щеки Чэн Синьюаня, остановился.

Это было слишком странно. Так поздно, два взрослых мужчины, вернувшиеся с работы, и Чжао Сюньюэ не спешил заканчивать смену, не спешил переодеться после дождя, не спешил принять душ или лечь спать. Вместо этого он сидел в машине, спокойно наблюдая за Чэн Синьюанем. Более того, он не только хотел стереть каплю с его лица, но в его голове вдруг возникли безумные, даже непристойные картины.

В фильмах, сериалах и даже рекламе часто показывают, как, когда двое остаются наедине, и один засыпает, другой обязательно крадется, чтобы поцеловать его.

Крадется? Целует? Да, именно эта картинка возникла в голове у Чжао Сюньюэ, и он тут же остановил руку. Эта мысль была слишком странной, даже пугающей. Он, Чжао Сюньюэ, 24-летний выпускник полицейской академии, молодой мужчина, хотел украдкой поцеловать своего капитана в этой тесной, душной машине, промокший до нитки, посреди бури.

Чжао Сюньюэ почувствовал, что, возможно, сходит с ума. У него еще были здравый смысл и осознание того, что такие мысли неправильны, но он также задавался вопросом: почему они возникают именно в отношении Чэн Синьюаня? Это было произвольное побуждение, а любые подсознательные мысли человека отражают глубокие слои его внутреннего «я».